

А. В. Юдин*

КАТЕГОРИЯ «ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ» В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Категория «добросовестности» является одной из распространенных, но малоизученных понятий юридической науки. Наиболее часто «добросовестность» становится предметом цивилистических исследований, поскольку гражданский закон неоднократно использует данный термин в нормативно-правовых актах.

Нормы гражданского процессуального законодательства также требуют от участников регулируемых отношений добросовестности при реализации (осуществлении) принадлежащих им процессуальных прав (ч. 1 ст. 35 ГПК Российской Федерации¹ (далее — ГПК РФ); ч. 3 ст. 27 ГПК Украины²).

В римском праве существовал термин «*fides*», под которым понималась собственная честность и доверие к чужой честности, верность данному слову, нравственная обязанность всех людей выполнять свое обязательство, в чем бы оно ни выражалось. Категория «*fides*» стала опорой всех правоотношений между гражданами и негражданами и одним из основных творческих элементов римского правового мышления³. «*Fides*» в значении строгой связности собственным заявлением и взаимного доверия договорных сторон обозначали как «*bona fides*». Антиподом данного термина выступает «*mala fides*» — категория, близкая к обману⁴.

С началом коренных преобразований в римском гражданском праве (VII в. н. э.), судья, разбирающий тяжбы, судил стороны договора с позиций доброй совести, поскольку лица обязывались при заключении и исполнении договора действовать по отношению друг к другу с учетом данного принципа⁵. В период императорского Рима под именем доброй совести «нравственность проникала в юридические решения и нередко определяла их окончательное направление»⁶.

Ряд авторов высказывали негативное отношение к рассматриваемой категории. Так, Л. И. Петражицкий, анализируя категорию *bona fides* применительно к правам добросовестного владельца на доходы, приходит к парадоксальному, на первый взгляд, выводу о том, что «добросовестное владение есть не более как объективное правонарушение»⁷. Автор считает, что «употребление выражений «добросовестное», «недобросовестное» владение есть вредная и сбивчивая терминология, от которой бы хорошо освободиться»⁸. Выказанные идеи были развиты К. И. Скловским, который писал, что «добросовестность — это качество, имеющее значение для лица, *не имеющего права ...*»⁹. В другой работе автором было высказано мнение, что «дефиниции в

© Юдин А. В., 2007

* докторант Санкт-Петербургского государственного университета, доцент кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского государственного университета (г. Самара, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. — М., 2002.

² Гражданский процессуальный кодекс Украины. — Х.: Одиссей, 2006.

³ Бартошек М. Римское право: Понятие, термины, определения / Пер. с чешск. — М., 1989. — С. 131-132.

⁴ Там же. — С. 132.

⁵ Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. — М., 2003. — С. 341.

⁶ Там же. — С. 455-456.

⁷ Петражицкий Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. — М., 2002. — С. 195.

⁸ Там же. — С. 199.

⁹ Скловский К. И. К вопросу о применении понятий добросовестности и основы правопорядка и нравственности // Хозяйство и право. — 2005. — № 8. — С. 140, 144 (курсивом передаются выделения, сделанные К. И. Скловским).

законе — вещь совершенно бесполезная ... если имеются в виду категории нравственные ... то в гражданском споре это, скорее, говорит о слабости позиции, чем о существенном элементе выстраиваемой защиты»¹⁰. В момент принятия Гражданского кодекса РФ Н. А. Чечина обоснованно подчеркивала, что применение судом категории добросовестности будет затруднено, поскольку оно потребует специального толкования¹¹. Дальнейшие тенденции правоприменительной практики показали, что эти опасения были беспочвенны.

Ученые, занимающиеся проблемами сравнительного правоведения, подметили, что «повсеместно судебная практика стремится свести понятие добрых нравов, или публичного порядка, к наглядным принципам, выделить его в особую группу прецедентов, разработать специальные критерии для определения этого понятия, чтобы максимально избежать неконкретного и иррационального в его содержании, что неизбежно присуще любой оговорке»¹². А. В. Попова рассматривала принцип добросовестности как один из элементов договорной унификации материально-правовых норм, регулирующих в государствах-членах ЕС обязательственные отношения хозяйствующих субъектов¹³.

Итак, под доброй совестью в объективном смысле понимают требования, предъявляемые к поведению участника правоотношения; в субъективном смысле имеется в виду знание лицом обстоятельств, препятствующих приобретению того или иного права¹⁴.

Отдельные авторы полагают, что категория «недобросовестность в отраслях публичной ответственности всегда называется виновностью»¹⁵. Однако логика законодательного развития и тенденции правоприменительной практики показали, что в публичных отраслях права критерии добросовестности и недобросовестности также активно участвуют в правовом обороте. Например, категория добросовестности весьма активно используется в практике применения норм налогового права¹⁶.

В гражданском процессуальном праве практически отсутствуют какие-либо научные труды, посвященные оценке добросовестности процессуального

¹⁰ Словский К. И. Работа адвоката по обоснованию и оспариванию добросовестности в гражданских спорах. — М., 2004. — С. 8.

¹¹ Чечина Н. А. Гражданский кодекс и гражданское процессуальное законодательство // Правоведение. — 1995. — № 4-5. — С. 78.

¹² Цвайгерт К., Кёtz Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. / Пер. с нем. — М., 2000. — Т. 2. — С. 80.

¹³ Попова А. В. Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте: законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран-членов Европейского Союза: Автореф дис. ... к. ю. н. — М., 2005. — С. 1.

¹⁴ См., напр.: Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. — 1916. — № 6. — С. 56–57; Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР: Отделение экономики и права. — 1946. — № 6. — С. 431.

¹⁵ Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. — С. 107; Белов В. А. К вопросу о добросовестности налогоплательщика: крит. анализ правоприм. практики. — М.: Волтер Клувер, 2006. — С. 11, 50.

¹⁶ См. напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 12 октября 1998 года № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // СЗ РФ. — 1998. — 19 окт. — № 42. — Ст. 5211. Однако в настоящий момент Высшим Арбитражным Судом РФ принято Постановление Пленума № 53 от 12.10.2006 г. «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» (Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2006. — № 12. — С. 65–68), в котором вместо категории «недобросовестности» был использован более нейтральный термин — «необоснованная налоговая выгода». Данный документ и сопровождающие его дискуссии были ответом на активно обсуждающуюся в обществе проблему допустимости и приемлемости различных схем «оптимизации налогообложения». См. напр.: Тарибо Е. В. Добросовестность налогоплательщика в правоприменительной практике // ЭЖ-Юрист. — 2006. — Май. — № 18 (423). — С. 1, 5; Кливер Е. О понятиях «добросовестность» и «злоупотребление правом» при уплате налогов // Хозяйство и право. — 2005. — № 9. — С. 76–81 и др.

поведения. Концептуальное осмысление данной категории в гражданском процессуальном праве связано с раскрытием ряда аспектов указанного понятия.

Полагаем, что категория добросовестности применительно к гражданскому судопроизводству может быть использована в нескольких значениях: 1) как морально-юридическая категория; 2) как условие осуществления субъективного гражданского процессуального права; 3) как презумпция гражданского процессуального права; 4) как гражданская процессуальная обязанность; 5) как юридический запрет злоупотребления процессуальными правами. Все перечисленные значения добросовестности, характеризующие фактически разные стороны единого понятия, тесно взаимосвязаны между собой.

1) Добросовестность как морально-юридическая категория. Поспешно, на наш взгляд, поступают авторы, стремящиеся к решительному размежеванию юридических и моральных норм, а также игнорирующие роль моральных регуляторов в правовом воздействии. Полагаем, что выявление содержания добросовестности сопряжено не только с установлением правового значения этого термина, но и с анализом его нравственно-этического начала.

Исследователи отмечают, что «принцип доброй совести обладает признаками объективного мерила и является известной «сдержкой» эгоизма в юридических отношениях. Добрая совесть, по этимологическому смыслу, таит в себе такие элементы как: знание о другом, о его интересах; знание, связанное с известной доброжелательностью; элемент доверия, уверенность, что нравственные основы оборота принимаются во внимание, что из них исходит каждый в своем поведении ... принцип добросовестности может рассматриваться как проявление принципа справедливости»¹⁷.

На вопрос о допустимости и целесообразности использования в текстах нормативно-правовых актов категорий, имеющих нравственное или нравственно-юридическое содержание, должен быть дан положительный ответ. Импульс исследованиям нравственной и этической составляющей в гражданском процессуальном праве был дан в работах Н. А. Чечиной.¹⁸

В нравственно-этическом понимании гражданская процессуальная добросовестность означает совокупность критериев, которым должно отвечать поведение участников гражданского процесса. Гражданская процессуальная добросовестность предполагает безупречность поведения лица с точки зрения нравственных норм, органически связанных с нормами юридическими. Таким образом, **злонамеренное и нечестное процессуальное поведение должно осуждаться не только с точки зрения норм морали, но и с позиций права.**

2) Добросовестность как условие осуществления субъективного гражданского процессуального права. В юридической литературе встречается рассмотрение добросовестности в качестве общеправового и отраслевого принципа¹⁹, однако, по мнению некоторых авторов, расширение системы принципов гражданского процессуального права, в частности, за счет принципа добросовестности и правдивости, излишне²⁰. Более точным является

¹⁷ Гаджиев Г. А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // Государство и право. — 2002. — № 7. — С. 58.

¹⁸ Чечина Н. А. Воспитательная функция советского гражданского процессуального права. — Л., 1972. — С. 39.

¹⁹ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. — М., 2001. — С. 226; Малиновский А. А. Злоупотребление правом. — М., 2002. — С. 54; Семенов В. М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. — М., 1982. — С. 99-100; Музюкин В. Я. Принцип добросовестного пользования процессуальными правами и добросовестного исполнения процессуальных обязанностей // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе: Сб. ст. / Отв. ред. В. Ф. Волович. — Томск, 1985. — С. 135-136.

²⁰ Чечина Н. А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. — С. 85; Ференс-Сороцкий А. А. Аксиомы и принципы гражданского процессуального права: Автореф. дисс. ... к. ю. н. — Л., 1989. — С. 10-11.

характеристика добросовестности в качестве условия (требования) осуществления управомоченным субъективного процессуального права.

Добросовестность как условие правореализации включает в себя два элемента: интеллектуальный и волевой. Данные составляющие передают соотношение намерения и поступка в содержании добросовестности.

Интеллектуальная сторона добросовестности характеризует психическую (субъективную) составляющую деятельности и намерения лица. Интеллектуальный момент добросовестности подразумевает осуществление права с внутренним убеждением в существовании определенных фактов и наличии субъективных прав. Во многих зарубежных странах требование добросовестности раскрывается через категории «лояльности», «честности», «справедливости» и «корректности»²¹. Определяющим при оценке процессуальной добросовестности лица является субъективный фактор, отражающий внутреннее отношение лица к собственному поведению.

Волевая сторона добросовестности отражает процесс претворения внутренних установок лица в совершаемые им процессуальные действия (бездействие); при этом добросовестность олицетворяет адекватность совершаемых действий (волевой стороны) выработанным установкам (интеллектуальной стороне). Например, ответчик осознает наличие определенных фактов, имеющих значение для дела, и признает или, по меньшей мере, не отрицает их существования, даже если они свидетельствуют не в его пользу.

С точки зрения рассматриваемых положений, недобросовестным будет признано поведение, при котором совершаемые субъектом процессуальные действия (бездействие) расходятся с его действительными знаниями об обстоятельствах дела. Так, на основании ч. 3 ст. 68 ГПК РФ, в случае, если у суда имеются основания полагать, что признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, совершено в целях сокрытия действительных обстоятельств дела или под влиянием обмана, насилия, угрозы, **добросовестного заблуждения**, суд не принимает признание. Формулировка данной нормы предполагает, что может иметь место **недобросовестное заблуждение**, т. е. признание обстоятельств, совершаемое для достижения неких противоправных целей, когда внешнее согласие с фактами, образующими предмет доказывания, является на самом деле имитацией признания. Например, таким способом лицо пытается при помощи судебной процедуры по негласному соглашению с другой стороной процесса подтвердить существование обстоятельств, которые в действительности отсутствовали. «Заблуждение» здесь является в значительной степени условным, поскольку присутствует лишь имитация заблуждения. Или, например, будучи полностью убежденным в законности и обоснованности вынесенного судебного решения, лицо, проигравшее процесс, тем не менее, обжалует его в суд второй инстанции, однако не с намерением добиться его отмены, а с целью максимально отсрочить момент вступления решения в законную силу.

В свете изложенного, возникает проблема выявления соотношения категорий «виновности» и «недобросовестности». Указанные понятия, характеризующие близкие друг другу юридические явления, вместе с тем различаются по объему своего действия. Это проявляется в следующем:

Во-первых, категория недобросовестности относится одновременно к характеристике внутренних знаний, представлений лица и его реальному

²¹ Шебанова Н. А. Злоупотребление процессуальными правами // Арбитражная практика. — 2002. — № 5 (14). — С. 48-49.

поведению, тогда как виновность — это компонент только субъективной стороны состава правонарушения, указывающий на психическое отношение лица к совершенному деянию;

Во-вторых, категория недобросовестности используется применительно к особой группе правонарушений, касающихся ненадлежащего осуществления субъективных гражданских процессуальных прав, т. е. к злоупотреблению правом²², тогда как виновность характеризует психическое отношение правонарушителя к совершению любых противоправных действий.

В рассматриваемом смысле добросовестность выступает как дополнительный критерий для оценки поведения субъекта, претендующего на правомерность действий по осуществлению якобы принадлежащих ему субъективных прав. Указание на «недобросовестность» при квалификации «обычного» правонарушения лишено всякого смысла, поскольку незаконные действия, очевидная противоправность которых не вызывает и не может вызвать у правоприменительного органа никаких сомнений, ни при каких условиях не могут быть признаны «добросовестными». При оценке поведения лица в качестве злоупотребления процессуальными правами такое предположение не исключается.

В-третьих, категории недобросовестности и добросовестности нельзя отождествлять с категориями незаконности и законности поведения²³.

Критерий добросовестности вводится для определения таких составов правонарушений, которые внешне неотличимы от правомерного поведения и совершаются путем ненадлежащей реализации субъективного права. По общему правилу, определение вины должно прилагаться к конкретным действиям (бездействиям), образующим объективную сторону состава правонарушения. Противоправный характер таких действий вытекает из их содержания. В случае же внешне правомерных действий, производимых с использованием якобы имеющегося у лица субъективного права, критерий виновности уже не срабатывает, т. к. отсутствует точка его приложения — поведение, очевидно противоречащее нормам процессуального права. Если же оценивать такие действия через критерий добросовестности, то их противоправный характер в контексте установления незаконной цели субъекта позволит говорить о совершенных действиях (бездействии) как о правонарушении. Установление недобросовестности позволяет обсуждать вопрос о виновности субъекта; обнаружение добросовестности лица свидетельствует о правомерном поведении и исключает постановку вопроса о виновности. Следовательно, **недобросовестность является предпосылкой для решения вопроса о виновности и квалификации действий лица в качестве злоупотребления процессуальными правами.**

Таким образом, **добросовестность как условие осуществления субъективного гражданского процессуального права — это соответствие внутренних установок субъекта процесса совершаемым им в процессе действиям, проявляющаяся в единстве интеллектуальной и волевой сторон поведения лица.**

3) Добросовестность как презумпция гражданского процессуального права. Действующее гражданское процессуальное законодательство России и Украины не устанавливает презумпции добросовестности участников гражданских процессуальных правоотношений. Требование добросовестности поведения имеет в ГПК форму обычного нормативного предписания с достаточно широкой сферой действия.

²² Более подробно о злоупотреблении процессуальными правами см.: Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. — СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005.

²³ Белов В. А. К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: крит. анализ правоприм. практики. — М.: Волтер Клувер, 2006. — С. 20-21.

Категория добросовестности возводится не только в ранг отраслевой, но и общеправовой презумпции. По мнению А. Сухининой, «общей основой данной презумпции является предположение с высокой степенью вероятности добросовестности каждого лица, которая до опровержения не должна и не может браться под сомнение — в этом суть моральной конституционной презумпции добросовестности граждан Российской Федерации»²⁴. Сходные суждения были высказаны и в науке гражданского процессуального права. Так, Э. М. Мурадян относит процессуальную добросовестность, как к презумпциям судебного права, так и к принципам процесса²⁵. Ю. А. Сериков определял презумпцию процессуальной добросовестности через освобождение лица от доказывания своей процессуальной добросовестности и гарантии защиты от необоснованного привлечения к процессуальной ответственности²⁶.

По нашему мнению, в ГПК необходимо закрепить презумпцию гражданской процессуальной добросовестности лиц подобно тому, как это сделано в гражданском праве (ч. 3 ст. 10 ГК РФ), указав, что **добросовестность процессуальных действий (бездействия) лиц, участвующих в деле, предполагается до тех пор, пока не установлено обратное**. Это возложит на лицо, ссылающееся на злоупотребление процессуальными правами, допущенное его оппонентом, обязанность обосновать свои доводы, а также исключит необоснованные подозрения участника процесса в недобросовестности со стороны суда.

4) **Добросовестность как гражданская процессуальная обязанность.** ГПК РФ и ГПК Украины используют термин «добросовестность», имея в виду, прежде всего, процессуальную обязанность лиц, участвующих в деле (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ; ч. 3 ст. 27 ГПК Украины).

Процессуальная обязанность быть добросовестным может иметь позитивное и негативное содержание. Позитивное содержание отражает требования, показывающие каким должно быть поведение обязанного лица; негативное определяет каким не должно быть соответствующее поведение.

Позитивное содержание обязанности быть добросовестным позволяет утверждать, что добросовестными считаются процессуальные действия лица, участвующего в деле, совершаемые путем реализации принадлежащих ему процессуальных прав, установленных ГПК и иными федеральными законами в целях защиты своих наличествующих либо действительно предполагаемых, но нарушаемых или оспариваемых гражданских прав. Предложенное определение делает акцент на том, что управомоченное лицо считается действующим на основании закона только в тех случаях, когда реализуемые им процессуальные права используются для защиты действительно наличествующих материальных прав. Данное определение должно быть дополнено указанием на существование недопустимых вариантов правореализации.

Негативное содержание обязанности быть добросовестным в процессе означает требование к участнику дела воздерживаться от совершения действий, направленных на умышленное ограничение или нарушение прав других лиц, участвующих в деле, воспрепятствованию деятельности суда по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданского дела. Также следует указать на то, что не могут быть признаны добросовестными действия, в которых усматриваются признаки злоупотребления процессуальными правами. В этом

²⁴ Сухинина А. Конституционные презумпции в сфере прав и свобод человека и гражданина // Российская юстиция. — 2003. — № 9. — С. 13.

²⁵ Мурадян Э. М. Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов): Монография. — М., 2003. — С. 8, 127.

²⁶ Сериков Ю. А. Презумпции в гражданском судопроизводстве. — М., 2006. — С. 152.

отношении не вполне последовательной выглядит формулировка ч. 3 ст. 240 ГПК Украины: «суд, установив, что заявитель действовал недобросовестно, без достаточного для этого основания (выдел. мною — А. Ю.), взыскивает с заявителя все судебные расходы». Очевидно, что не существует и не может быть таких оснований, которые позволили бы лицу действовать недобросовестно; в приведенной норме недостаточность оснований должна относиться не к «добросовестности» заявителя, а к обращению в суд.

Позитивное содержание обязанности добросовестности имеет **общий характер**, так как «добросовестность» задает общие требования к поведению лиц в гражданском процессе. Негативное содержание «добросовестности» тяготеет уже к **частным случаям**, так как содержит ориентиры для определения конкретных форм поведения, которые могли бы быть признаны законодателем злоупотреблением процессуальными правами. Специальные случаи недобросовестного поведения производны от общей категории добросовестности как совокупности установленных законом требований. Это связано с достаточно широким юридическим значением исследуемого термина.

Общие, рамочные определения добросовестности наряду с закреплением отдельных видов злоупотреблений процессуальными правами в законе, призваны путем создания общих стандартов поведения способствовать правильной оценке действий участников процесса на основе применения как общей, так и специальной нормы закона.

Вызывает несогласие позиция авторов, предлагающих отказаться от выделения в качестве самостоятельной процессуальной обязанности сторон добросовестного пользования процессуальными правами²⁷. Подобный подход вызывает несогласие по целому ряду причин:

Во-первых, с формально-юридической точки зрения законодатель не просто выделяет обязанность добросовестного поведения в составе нормы ст. 35 ГПК РФ и ст. 27 ГПК Украины, непосредственно посвященных правам и обязанностям участников судопроизводства, практически в качестве **единственной общей** процессуальной обязанности, но и в последующем возвращается к ней в нормах ст. 99, ч. 2 ст. 284 ГПК РФ и ч. 3 ст. 240 ГПК Украины, предусматривая ответственность за недобросовестное поведение.

Во-вторых, авторами неверно определяется удельный вес обязанностей в механизме гражданского процессуального регулирования. Прежде всего, игнорируется **универсальный характер юридической обязанности быть добросовестным в гражданском процессе**, которая распространяется практически на все субъективные права участников гражданского судопроизводства и в этом смысле является всеохватной. Лицо обязано быть добросовестным перед судом, рассматривающим дело, который может потребовать от лица исполнения данного предписания.

В-третьих, объективные сложности выявления содержания процессуальной обязанности добросовестного пользования процессуальными правами и отсутствие ее прямой законодательной конкретизации вовсе не свидетельствует об отсутствии такой обязанности.

Неисполнение обязанности быть добросовестным в гражданском процессе, т. е. недобросовестное поведение, представляет собой разновидность правонарушения, которое при наличии умысла обязанного лица может быть обозначено как злоупотребление процессуальными правами. Следовательно,

²⁷ См. напр.: *Балашов А. Н.* Процессуальные права и обязанности сторон при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции: Автореф. дис. ... к. ю. н. — Саратов, 2005. — С. 16.

добросовестность в своем **приоритетном значении** должно пониматься как недопустимость злоупотребления процессуальными правами.

5) Добросовестность как юридический запрет злоупотребления процессуальными правами. Гражданское процессуальное регулирование строится по принципу: «разрешено только то, что прямо дозволено». Поэтому, несмотря на отсутствие в законе прямого, адресованного лицам, участвующим в деле, запрещения злоупотреблять своими процессуальными правами, можно утверждать, что такой запрет существует в ГПК и выводится из наличия обязанности добросовестного пользования процессуальными правами.

Суд, исходя из того, что управомоченные лица, основываясь на принадлежащем им субъективном праве, могут вести себя определенным образом, а также в силу презумпции добросовестности, рассмотренной нами выше, не оценивает каждое процессуальное действие, совершаемое участником дела, с точки зрения его добросовестности. Вопрос о недобросовестном процессуальном поведении, т. е. о наличии в действиях лица признаков злоупотребления процессуальными правами, возникает в случае нарушения им нормативного предписания, выраженного с той или иной степенью определенности и относящегося к способам реализации принадлежащих лицам процессуальных прав.

Принципиальным является положение, согласно которому суд не может, усмотрев в поведении субъекта ненадлежащее, с его точки зрения, процессуальное поведение, по своему произволению квалифицировать такие действия в качестве злоупотребления процессуальными правами.

Злоупотребление процессуальными правами — это недобросовестное процессуальное поведение, представляющее нарушение такого условия осуществления процессуального права как добросовестность. В полном соответствии с выработанными нами выше подходами, недобросовестность выступает проявлением объективной и субъективной стороны состава гражданского процессуального правонарушения, характеризую одновременно воплощение вины субъекта в его реальном поведении. Для установления факта недобросовестности необходима оценка двух критериев — критерия знания и критерия действия.

а) Критерий знания. Главенствующее значение при оценке злоупотребления процессуальными правами отводится такому признаку психической деятельности лица, как **знание** (или **осведомленность**) о противоправности собственного поведения. «*Actus non facit ream, nisi mens sit rea*» («Действие не делает виновным, если не виновен разум»)²⁸. Ж. Сталев, характеризуя злоупотребление процессуальным правом по ГПК НРБ, отмечал, что незнание отсутствия права (материального или процессуального) исключает недобросовестность²⁹.

Единство интеллектуальной и волевой сторон добросовестности как условие осуществления гражданского процессуального права наиболее отчетливо проявляется в **знании правды** (т. е. **действительного состояния фактов и правоотношений**), **сообщении ее суду и поведении в соответствии с этим знанием**. Соответственно недобросовестным будет считаться поведение, при котором лицо искажает известные ему обстоятельства и поступает в противоречии со своим знанием о действительных обстоятельствах дела (например, истец предъявляет иск о взыскании уже выплаченного ему долга).

В контексте критерия знания злоупотребление процессуальными правами проявляется как **обман, попытка лица ввести суд и других лиц, участвующих в деле, в заблуждение в отношении совершаемых им действий**.

²⁸ Латинские юридические изречения / Автор-сост. Е. И. Темнов. — М., 2004. — С. 73.

²⁹ Сталев Ж. Гражданско процессуально право. — София, 1966. — С. 76.

Обман в отношении фактических обстоятельств дела может выразиться в сообщении ложной информации об обстоятельствах дела, т. е. в активных действиях субъекта, состоящих в искажении фактов, имеющих значение для дела либо в сообщении полностью недостоверных фактов. Универсальным и наиболее существенным признаком злоупотребления правом в гражданском процессе, на наш взгляд, является сообщение суду **неправды**. «*Fraus et jus nunquam cohabitant*» («Обман и правосудие никогда не совмещаются») ³⁰. Анализ любого процессуального злоупотребления показывает, что в его основе лежит доведение до суда информации, не соответствующей действительности. Такое сообщение не обязательно может быть сделано в форме прямого изложения не соответствующих действительности фактов, это могут быть и иные приемы в виде демонстрации, отрицания фактов, введения суда в заблуждение, совершения мнимых процессуальных действий и т. д.

Умолчание об обстоятельствах дела не во всех случаях может свидетельствовать о злоупотреблении процессуальным правом: «*Aliud est tacere aliud celare*» («Одно дело — молчать, другое — умалчивать») ³¹. Ответчик или другое лицо, участвующее в деле, не может быть принуждено к сообщению обстоятельств, свидетельствующих не в пользу такого лица. Поэтому отказ от изложения определенных фактов в целом не может расцениваться в качестве злоупотребления процессуальными правами.

Однако в ряде случаев умолчание о существенных для дела фактах может создать непреодолимые препятствия в разрешении дела судом. Например, ответчик, к которому предъявлен иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения, ссылаясь на отсутствие у него данного имущества и не сообщает сведений о том, в пользу кого оно было им отчуждено; лицо, отыскивающее по суду наследственное имущество, умалчивает о существовании других наследников и пр.

Более серьезная проблема возникает в случае, когда лицо допускает умолчание в отношении процессуальных фактов, имеющих принципиальное значение для рассмотрения дела. Так, может иметь место недобросовестное умолчание о ненадлежащей подведомственности или подсудности спора ³². Одна из сторон спора, при слабости своей материально-правовой позиции, может прибегнуть к такой тактике как умолчание об отдельных обстоятельствах, влияющих на подведомственность или подсудность дела с тем, чтобы в дальнейшем инициировать отмену неблагоприятного для себя судебного акта путем апеллирования к нарушению правил о подведомственности. Для предотвращения подобных ситуаций законодательно установить запрет лицам, участвующим в деле, ссылаться на нарушение правил подведомственности судом первой инстанции, если такие возражения не были заявлены ими при рассмотрении дела в суде первой инстанции.

б) Критерий действия. При анализе объективной стороны злоупотребления правом в гражданском процессе особое значение приобретает способ совершения правонарушения, а именно **ненадлежащая реализация лицом своего субъективного гражданского процессуального права**. Недобросовестное лицо при помощи имеющегося у него субъективного права направляет свое поведение на достижение осуждаемых целей.

³⁰ Латинские юридические изречения. — С. 168.

³¹ Там же. — С. 80.

³² Более подробно см.: Юдин А. В. Искусственное создание и изменение подведомственности и подсудности экономического спора как форма злоупотребления процессуальными правами // Хозяйство и право. — 2007. — № 1. — С. 109.

Злоупотребление субъективным гражданским процессуальным правом может выражаться в активных **действиях**, которые формально отвечают требованиям норм гражданского процессуального права, но на самом деле совершаются с нарушением условий осуществления субъективных прав управомоченным лицом и причиняют вред отношениям, возникающим в ходе отправления правосудия по гражданским делам.

Между совершенными процессуальными действиями (бездействиями) и наступившими последствиями должна иметься **причинно-следственная связь**, т. е. совершенное злоупотребление должно с необходимостью повлечь за собой вредоносный результат. Особенностью обнаружения причинно-следственной связи при оценке действий лица в качестве злоупотребления правом является установление заведомости процессуальных действий субъекта, вызвавших за собой негативные последствия. Вопрос о причинно-следственной связи возникает только на почве твердо установленной виновности лица в процессуальном правонарушении.

Таким образом, категория «добросовестности» в гражданском процессуальном праве — это сложное правовое явление, имеющее морально-юридическое содержание, относящееся одновременно к условиям осуществления субъективных гражданских процессуальных прав лицами, участвующими в деле, соблюдение которых выступает в качестве их процессуальной обязанности и к запрету злоупотреблять своими процессуальными правами. Добросовестность лиц, участвующих в деле, презюмируется; участник процесса, приводящий факты недобросовестного поведения других лиц, обязан представить доказательства своих утверждений.

